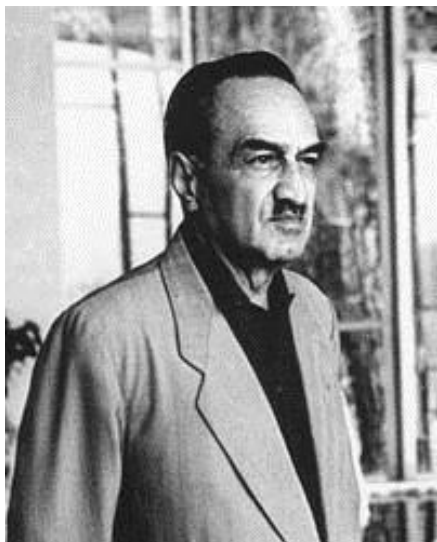

МИКОЯН АНАСТАС ИВАНОВИЧ (1895-1978)

Герой Социалистического труда, член ГКО СССР (1942-1945), заместитель председателя СНК СССР (1937-1946), нарком внешней торговли СССР (1938-1946).

Родился Анастас Иванович Микоян в 1895 году. Уже в 9 летнем возрасте был отправлен в духовную семинарию в Тифлисе. Отец его, Ованес Микоян, неграмотный деревенский столяр-плотник, видел, что Анастас чем-то выделяется среди других детей – а он был третьим по старшинству. После него родились еще сестра, затем брат Анушаван, будущий авиаконструктор, создатель МиГов. И вот Ованес подал прошение епископу, чтобы мальчика приняли в Тифлисскую Нерсисянскую духовную академию.

Почему в духовную семинарию? Потому что на Кавказе при царизме в гимназиях обучение велось только на русском языке. А русский ему ещё только предстояло изучить. Кроме того, семинария предоставляла общежитие, давала хорошее, на деле светское, почти «вузовское» образование. Впрочем, если верить знаменитому русскому писателю, современнику Микояна, Михаилу Булгакову, «...Ни в каком учебном заведении образованным человеком стать нельзя. Но во всяком хорошо поставленном учебном заведении можно стать дисциплинированным человеком и приобрести навык, который пригодится в будущем, когда человек, вне стен учебного заведения станет образовывать самого себя».1 По-видимому, так и получилось у моего отца.

В начале Первой мировой войны Микоян бросил семинарию, чтобы пойти добровольцем в русскую армию, сражавшуюся на турецком фронте за освобождение Западной Армении из под власти турок. С трудом привыкал он к тому, что готовится убивать, особенно когда его обучали штыковому бою. Дошёл с боями до Карса. Но к его огорчению, заболел острой формой малярии и его вернули в тыловой госпиталь, сначала в Ереван, потом в Тифлис (Тбилиси).

По рекомендации своего учителя Дануша Шавердяна он вступил в члены партии большевиков. А затем, когда Степан Шаумян попросил прислать в Баку толкового парня для агитации среди армян, работавших на нефтепромыслах Дануш согласился с идеей Анастаса поехать в Баку и дал сопроводительную записку своему другу Степану Шаумяну, в которой хорошо характеризовал Анастаса.

В 1920 году Анастаса Микояна, уже освоившего русский язык, переводят в Россию, в Нижний Новгород. Здесь ему предстояло своим трудом и участием в политической жизни заслужить избрание секретарем губернского комитета ВКП(б). Так и происходит. Он овладевает тем, что тогда называлось «работой с массами» - убеждать, высказывать понятные аргументы, прямо отвечать на вопросы, откликаться на нужды простых людей.

Анастас Микоян, став первым человеком в Нижнем Новгороде, страдал от недоедания и в конце концов, заболел туберкулёзом. Пусть некоторые бывшие секретари обкомов и нынешние губернаторы считают его чудаком — он жил и работал, не расставаясь со своими романтическими идеалами.

С 1922 по 1926 год Микоян возглавляет огромный край - Юго-восток России, позже более точно названный Северо-Кавказским краем: от Ростова до Владикавказа, от Сочи до Махачкалы. Он учится завоевывать уважение разных народов, в свою очередь проявляя уважение к ним — с разными языками, культурой и традициями: донские казаки, дагестанцы, чеченцы, балкарцы, карачаевцы, кабардинцы, «иногородние», как тогда называли русских и украинцев, приехавших из других районов. Он работал не приказами, а убеждением, экономическими стимулами, обращением к вековым традициям, уважением этих традиций.

Разоренную войной Россию предстояло поднимать. И он это делал в пределах своего края настолько успешно, что когда народный комиссар торговли Л. Б. Каменев, находившийся в оппозиции к Сталину, в 1926 году подал в отставку, он предложил вместо себя Микояна. Сталин согласился, так как уже неплохо знал Северо-Кавказского секретаря. Но секретарь долго и упорно не соглашался. Несмотря на состоявшееся решение ЦК, Микоян настаивал на поимённом голосовании опросом с предварительной рассылкой каждому члену ЦК его письма с мотивировкой отказа. Однако, пришел момент, когда пришлось подчиниться решению Совнаркома за подписью его Председателя Рыкова, уже опубликованному в центральных газетах.

Отказываясь, Микоян опасался, что не справится с руководящей должностью всероссийского масштаба. Он был безразличен к амбиции и престижу, вытекающим из служебного положения, не говоря уже о материальных интересах. Превыше всего ставил дело, долг, обязанности и ответственность перед народом. Благодаря этому по своему самоощущению и внутреннему миру он был гораздо счастливее тех, кто сегодня смотрит на должности с точки зрения личного интереса и личной выгоды. Его идеалы были, конечно, впоследствии подорваны репрессиями и бюрократизмом, практикой «казарменного социализма».

Однако у него долго еще некоторое время сохранялась надежда на преодоление отрицательных черт, которыми оброс этот «казарменный социализм», тем более что он видел и многие позитивные итоги многолетней работы. Огромному подъему экономики во всех республиках, растущая поддержка со стороны рабочих и солдат — все это воодушевляло его.

К концу 1920 годов между городом и деревней в Советском Союзе наметились противоречивые интересы. Ленин, вводя НЭП в 1921 году примирил эти интересы. Но Сталин пренебрегал уроками кризисов 1920-21 годов.

Микоян говорил в 1928 году в своей речи на съезде партии, что «дисбаланс цен не в пользу крестьян удерживает их от продажи хлеба государству. Необходимо дать в деревню дешевые товары широкого потребления, даже за счет временного сокращения их продажи в городах». То есть, именно экономическим способом предлагал он решить возникшую проблему сократившихся продаж хлеба из деревни государству. Фактически этот путь входил в арсенал идей Николая Ивановича Бухарина.

Однако, Сталин предпочитал «острые блюда», как выражался Ленин. Он решил получить хлеб насильственно. Вообще покончил с НЭПом, после чего, естественно, сократилось снабжение товарами широкого потребления. Крестьянам нечего было купить даже на те небольшие деньги, — по причине низких закупочных цен — которые они получали. Это никак не стимулировало их продавать хлеб, разумнее считалось придержать его до повышения закупочных цен. То есть, действовал закон рыночного механизма, введенного Лениным в 1921 году. В ответ Сталин инициировал коллективизацию, настоящую войну против значительной части народа своей страны. Эта война принесла тяжелейшие последствия, как для экономики, так и для политики. Около

10 млн. крестьян было выселено в Сибирь и Среднюю Азию, многие погибли. поголовье скота уменьшилось в два, а овец - в три раза. Возможно, он сам не рассчитал этих последствий. Как рассказывал Черчилль, Сталин говорил ему, что коллективизация оказалась не менее тяжелой войной, чем война с гитлеровской Германией. По словам Черчилля, Сталин имел в виду, что, если бы он предвидел их, то поступил бы иначе.

В 1930 и 1931 годах Микоян не раз подавал в отставку, так как его наркомат подвергался критике за плохое состояние торговли в условиях коллективизации и того огромного урона сельскому хозяйству, который она принесла. А наркомат, естественно, не мог обеспечить страну товарами, которые просто перестали производить и деревня, и город. Он просил направить его на какую-либо новую стройку в провинции или на любую работу, какая будет в ЦК сочтена для него подходящей. По предложению Сталина, Совнарком не принял отставки. Видимо, Микоян был нужен Сталину как эффективный руководитель и пока еще всецело ему преданный соратник.

Вскоре Микоян был переведен на должность наркома пищевой промышленности: создавать то, чего в современном смысле тогда в России и в Советском Союзе не было. «В начале и, особенно в конце 1930 годов я развернул работу по созданию современных комбинатов по американскому образцу, ... а также современных консервных заводов для консервирования различных продуктов питания: мяса, рыбы, овощей, фруктов, сгущенного молока, строительства мясокомбинатов и кондитерских фабрик. ... Для успеха в начатой работе я направлял наиболее способных и знающих людей за границу, чтобы они изучали опыт лучших предприятий Европы и особенно Америки, чтобы перенести на советскую почву все передовое и лучшее. Кроме того, приглашал иностранных специалистов, с которыми консультировался, например, в деле строительства мясокомбинатов. Так, Московский мясокомбинат был построен после того, как группа советских специалистов и проектировщиков побывала в Америке, а оттуда прибыла к нам также группа проектировщиков, ими был разработан проект строительства Московского мясокомбината. Затем по его образцу были построены Ленинградский, Семипалатинский и другие комбинаты...».

А в 1936 году Микоян сам два месяца колесит вдоль и поперек США, изучая опыт, покупая целиком заводы, перенимая всё то, что можно было применить в нашей стране. «Я сделал проблему пищевой промышленности предметом выступлений на многих партийных форумах, где находил поддержку и привлекал внимание партийных организаций к решению этой трудной задачи».5 Возможно, поэтому Сталин шутил: «Для Анастаса новые сорта сыра важнее теории марксизма-ленинизма». Думаю, так оно и было на самом деле. Он не выносил пустой демагогической болтовни, зато все силы направлял на конкретное полезное для народа дело. Отец по дороге из США посетил во Франции провинцию Шампань, изучая опыт производства шампанских вин: его идея состояла в том, чтобы всемерно расширять производство вина, в том числе шампанских вин, создать в народе привычку пить легкие вина и тем самым сократить употребление водки.

В результате всех его усилий, пищевая промышленность сделала скачок, который был прерван лишь Великой Отечественной войной.

К тому времени Микоян стал одновременно заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР (так называлось правительство нашей страны,

переименованное в 1944 году в Совет Министров). В этом качестве он курировал и торговлю, и многие другие отрасли хозяйства.

Когда в стране начались массовые репрессии, Микоян, конечно, не мог остановить топор Сталина, обрушивавшийся на многих людей, которых он знал лично, и на миллионы, которых не знал. Немногих сумел он спасти от тюрьмы и гибели, но по тем жутким временам и это было трудно и важно. Успешно спорить со Сталиным он мог только в хозяйственных вопросах.

Осенью 1938 года Сталин предложил Микояну стать наркомом внешней торговли.

Микоян записал этот разговор: «Я призадумался, поскольку предложение для меня было неожиданным. Потом сказал, что, если ЦК считает это необходимым, я не возражаю, но прошу две вещи:

Освободить меня от руководства тремя наркоматами: пищевой промышленности, внутренней торговли и заготовок, чтобы я мог целиком сосредоточиться на работе Наркомата внешней торговли, потому что там дела развалены и поэтому придется все силы отдавать, чтобы выправить положение.

Вторая просьба состоит в том, чтобы прекратили аресты работников Внешторга. Я знаю со слов отдельных работников Внешторга, что там очень много арестовано руководителей и даже средних работников. Многими овладел страх, каждый боится, что его могут арестовать... В наркомате господствует паника, замкнутость людей, отсутствие инициативы, перестраховка. Фактически аппарат топчется на месте и работает большей частью вхолостую. В подобных условиях мне трудно будет поднять дух работников аппарата и заставить их работать активно в интересах государства. Необходимо, чтобы я имел возможность сказать людям, чтобы они не боялись, действовали инициативно, по совести. Это поможет оздоровить атмосферу.

Сталин сказал: по первому вопросу – нет надобности освобождать тебя от тех обязанностей, которые возложены на тебя как на заместителя Председателя Совнаркома. Настолько хорошо ты знаешь работу этих наркоматов, так много у тебя энергии, что вполне можешь совмещать и эту работу, и работу во Внешторге. Так что эта твоя просьба не будет удовлетворена. Мы думаем, что наше предложение правильное и верим, что ты с работой справишься.

Я не стал возражать против этого, молчал.

Что касается второй твоей просьбы, - сказал Сталин, - относительно прекращения арестов во Внешторге, то ты, пожалуй, прав. Чтобы создать хорошую атмосферу для твоей работы, мы дадим указание НКВД прекратить всякие аресты работников Внешторга.

Должен прямо сказать, Сталин свое слово не арестовывать работников Внешторга сдержал на протяжении 10 лет, что было главным условием оздоровления работы Внешторга».

В 1939 году, за две недели до начала Второй мировой войны был подписан договор о ненападении и сотрудничестве между СССР и Германией. Отец всегда считал, что западные союзники — Великобритания и Франция — не оставили нашей стране другого выбора, кроме как подписать такой договор. Хотя он и не верил, что договор отдалит войну на много лет.

Накануне нападения гитлеровских войск Микоян был одним из тех членов Политбюро, которые убеждали Сталина отнестись серьезно к многочисленным сигналам, говорившим о неминуемой скорой агрессии против нашей страны. В частности, он вспоминал: «За два дня до нападения немцев (я тогда как зампред СНК ведал и морским

флотом) часов в 7-8 вечера мне звонит начальник Рижского порта Лайвиньш: «Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов: одни под загрузкой, другие под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то, что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?» Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро, рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложив задержать немецкие суда. Сталин рассердился на меня, сказав: «Это будет провокация. Этого нельзя делать. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят». Я по ВЧ дал соответствующее указание начальнику Рижского порта. (В 1974 г. я прочитал в записках В. Бережкова – работника нашего посольства в Берлине, - что перед началом войны советские суда, стоявшие в германских портах были задержаны.)

У нас в Политбюро была большая тревога. Не может быть, считали мы, чтобы все эти сведения о подготовке войны Гитлером были фальшивые, ведь концентрация войск на нашей границе остается фактом и эта концентрация продолжается».

Но на этот раз Сталин проявил удивительную слепоту, граничащую с глупостью, что обычно для него было отнюдь не характерно. Его аргументация была слишком оторванной от новой реальности: он напоминал членам Политбюро, что еще Бисмарк предостерегал Германию от войны на два фронта. Первая мировая война доказала правоту Бисмарка. Гитлер, якобы, это понимает. Поэтому пока он не разделался с Англией, нам ничего не грозит. А высадиться на Британские острова не так просто, если вообще возможно, имея в виду мощь английского флота, а также то, что США будут всячески помогать Англии. В любом случае раньше 1943 года он на нас не нападет, — внушал Сталин своим соратникам, — а к тому времени мы уже будем настолько сильны в военном отношении, что тем более ему надо будет думать: воевать с нами или искать укрепления сотрудничества. Из мира иллюзий его вернуло к реальности только раннее утро 22 июня 1941 года.

При распределении обязанностей в Государственном Комитете Обороны Микоян получил ответственный участок работы: снабжение армии и тыла, то есть всей страны, продовольствием, обмундированием, одеждой, обувью, бензином и другим горючим, артиллерийскими снарядами. Кроме того, он принял основную нагрузку, вместе с Косыгиным, Вознесенским, Шверником, Кагановичем и другими людьми, организовывая беспрецедентную в истории эвакуацию сотен промышленных предприятий, вещевых и продовольственных складов за считанные недели на Восток страны.

Микоян поддержал инициативу генерала А. В. Хрулева о реорганизации службы тыла Красной армии, они вместе поддерживали нормальное снабжение войск в тяжелейшие годы, когда были потеряны Украина, Ставропольский и Краснодарский край – главные житницы страны в тот период. Для бесперебойного снабжения горючим танков, самолетов и другой техники Микоян организовал специальную группу, которая поддерживала линии транспортировки от Баку и Ирана до каждой дивизии.

В 1988 году писатель Даниил Гранин опубликовал в журнале «Знамя» (№ 2) рассказ «Запретная глава», где содержатся впечатления от беседы с А. Н. Косыгиным. Косыгин подтвердил Гранину то, о чем отец рассказывал мне и о чем говорится в его книге «Так было»: в июле 1941 года 16 эшелонов с продовольствием, эвакуируемые из Прибалтики в тыл, Микоян направил в Ленинград. А. А. Жданов отказался их принять, а

вместо выяснения вопроса с моим отцом прямо позвонил Сталину, сказав, что склады города забиты, и эти эшелоны надо отправить куда-либо еще. Сталин рассказал об этом Микояну. Тот возражал, говоря, что в таком большом городе всегда можно найти закрытые спортивные залы, Дворцы культуры, наконец, музеи, где складировать продовольствие. Сталин все же, принял сторону Жданова. Эшелоны ушли в тыл. Эту историю подтверждал также Д. В. Павлов, в то время — уполномоченный Государственного Комитета Оборона по снабжению Ленинграда (фактически его отправку туда «пробил» Микоян; Павлов тогда был наркомом торговли РСФСР).

Конечно, никто из действующих лиц не предвидел, что через месяц с небольшим город будет охвачен кольцом вражеских войск, что главные Бадаевские склады будут целенаправленно уничтожены немецкими зажигательными бомбами, что население окажется в условиях неслыханного голода, принесшего страдания и смерть сотням тысяч людей. Уже после этого Сталин сказал ему: «В твоих руках сходятся сейчас все нити руководства снабжением фронта и тыла. Поэтому тебе легче, чем кому-либо другому следить за своевременным обеспечением Ленинграда всем необходимым».

Микоян и Павлов поддерживали постоянную связь в целях максимально возможного снабжения города продовольствием. 16 октября 1941 года, в самый критический день Москвы, у ворот которой были остановлены немецкие войска, Д. В. Павлов находился в Кремле на приеме у Микояна с докладом о положении дел. Еще в середине сентября Павлов вылетел в Ленинград. Он проверил наличие продовольствия в городе и подтвердил сообщение председателя Горисполкома П. С. Попкова, что запасов по существовавшим тогда нормам оставалось на 35-45 дней. А в кольце блокады оставалось 2 489 400 жителей, в том числе 400 000 детей. И это не считая войск, оборонявших город. Разговор между Микояном и Павловым 16 октября был связан с трудностями навигации по Ладожскому озеру. Обсуждались и другие вопросы. Для бесперебойного снабжения на баржах через озеро Ладогу на ее берегу со стороны «большой земли» уже были сооружены склады и имелись достаточные запасы продовольствия: ежедневно поступало по два маршрута продовольствия для перевалки на баржи. Ежедневно курсировало 12 барж. Правда, основной артерией все еще была железная дорога через г. Тихвин, но немецкие войска вели упорные бои на этом направлении, и надо было готовиться к новым трудностям. Действительно, 8 ноября немцы перерезали Тихвинскую железную дорогу. С 8 по 20 ноября никакого пути снабжения города, кроме как по воздуху, не осталось.

После того, как на озере установился прочный лед, началась срочная прокладка «Ледовой дороги». Как баржи, так и грузовые автомобили (а до вмешательства Сталина и самолеты) использовались для того, чтобы в ходе обратных рейсов вывезти из города как можно больше жителей.

Но даже и в условиях массовой гибели ленинградцев от голода Сталин отменил уже проводившееся в жизнь вплоть до декабря 1941 года решение Микояна использовать 50 транспортных самолетов «Дуглас», чтобы переправлять продовольствие в город. Отец сумел принять такое решение, поскольку именно он контролировал все поставки по ленд-лизу из США, а «Дугласы» пришли именно таким путем. Решение было продиктовано и тем, что немецкая авиация бомбила баржи, пересекавшие озеро, а твердый лед для проезда грузовых автомобилей долго не устанавливался. Он получил за это сердитый нагоняй от Верховного главнокомандующего. Напрасно герой обороны Ленинграда, второй секретарь горкома и Член Военного совета Ленинградского фронта Алексей Александрович

Кузнецов звонил в Кремль по этому поводу и буквально два часа убеждал Поскребышева, чтобы тот объяснил Сталину, насколько необходимо снабжение блокированного города по воздуху. Тот ответил отказом. Самолеты больше нужны были фронту, чем умирающим от голода ленинградцам, считал он.

20 января 1942 года А. А. Жданов направил отцу письмо с просьбой о доставке в город хотя бы эрзац-продуктов: осень и зима 1941-1942 годов были самым тяжелым временем. Отец же сообщил Жданову, что изыскал возможность направить вместо этого дополнительно к январским поставкам 20 тыс. тонн муки, 5 тыс. тонн крупы, 500 тонн шоколада, 1,2 тыс. тонн сахара, 4,1 тыс. тонн мяса и почти 7 млн. банок консервов: мясных, свино-бобовых и овощных, сгущенного молока, варенья и повидла.

Международные переговоры о ленд-лизе (давшем нашей стране около 3-4% от того, что потребляли фронт и тыл) 10 вел тоже Микоян. Кроме того, он вел переговоры о военном займе от США и Великобритании. В том числе со Стаффордом Криппсом, крупным политическим деятелем, назначенным на должность посла Великобритании в СССР, с которым приехал в качестве главы экономической миссии г-н Лоренс Кэдбери (основатель известной в сегодняшней России шоколадной фирмы; тогда он помогал правительственным органам в работе). Следует иметь в виду, что переговоры шли в августе 1941 года в Москве. Немецкие войска стремительно наступали практически по всему фронту. В подобных условиях британское правительство считало, что СССР примет кредит на любых условиях. Микоян же так жестко и настойчиво вел переговоры, будто бы не немецкие войска рвались на московское направление, а советские подходили к Берлину. Удивленный Криппс пожаловался Сталину, тот якобы поручил Молотову разобраться, но Молотов отказался вмешиваться. Криппс столкнулся с ситуацией, которую отец предвидел: либо уступить, либо отказать Советскому Союзу в кредите. Последнее было для него политически невозможным: Восточный фронт стал частью «битвы за Англию». Поэтому он предпочел уступить.

Отец часто также вел переговоры с послом США Авереллом Гарриманом, встречался с Уинстоном Черчиллем, президентом Торговой палаты США Эриком Алексисом Джонсоном и многими деятелями западных стран, занимавшимися военными поставками Советскому Союзу.

Гарриман пишет по этому поводу: «Я впервые познакомился с г-ном Микояном в сентябре 1941 года, когда посетил Москву в качестве главы американской миссии, вместе с лордом Бивербруком, возглавлявшем британскую миссию.

Президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль договорились во время встречи в море в июле 1941 года, что они вместе пошлют миссии в Москву, чтобы определить, сможет ли Советский Союз выдержать неожиданное вооруженное нападение Гитлера, и какие поставки были наиболее срочными и необходимыми из обеих стран.

Бивербрук и я большей частью имели дело со Сталиным, но в целом ряде случаев вели переговоры с Микояном, чтобы получить детальную информацию и необходимом снабжении. Тогда я понял, что между Сталиным и Микояном существовали близкие отношения. В ходе моих многочисленных поездок в Москву, так же как и в период пребывания в период более двух с половиной лет в качестве нашего посла военного времени, у меня было много возможностей беседовать с ним. Он был, возможно, самым близким к Сталину советником по внешней торговле. Ленд-лиз оказался под его надзором. Он был теплым человеком по натуре, но в деловых переговорах не было никого жестче его.

В наш первый вечер в Москве Сталин вел себя вполне сердечно в ходе обсуждения того, какие поставки могли бы быть предоставлены Советскому Союзу. Однако, на следующий день Сталин был крайне грубым. Он сказал, что разговаривал со своими советниками, очевидно с Микояном, и сказал, среди прочего, что «скудность ваших предложений о поставках ясно показывает, что ваши правительства хотят, чтобы мы потерпели поражение».

Наши помощники провели несколько дней с Микояном и его сотрудниками. Советские представители дали список их потребностей, но не дали никакой информации о причинах этих потребностей. ...Г-н Микоян был всегда сердечным и имел теплую манеру общения, но твердо стоял на том, чтобы не давать нам информации, которая нам была, действительно, нужна для того, чтобы убедить людей в Вашингтоне. ...Однако, я узнал, что советским принципом было не давать информации, которая могла бы просочиться к врагу.

Все годы, которые я знал г-на Микояна, я поражаюсь его близостью и откровенностью со Сталиным и, тем не менее, сумел пережить одну чистку за другой остальных соратников Сталина».

«Восточный фронт», как его называли в Европе и в США, принял на себя и разгромил свыше 80 % вооружённых сил Гитлера. Это фактически спасло Англию от планов немецкого вторжения на остров. И оставило меньше одной пятой части гитлеровских войск на долю союзников, высадившихся в Нормандии лишь в июне 1944 года, когда Советская армия уже освобождала Польшу и когда целью её становился Берлин. Так что британские кредиты и американский ленд-лиз не были подарками; они были оплатой неслыханных потерь и страданий советских людей, отвлечения германских войск с запада Европы. Ф. Д. Рузвельт так и аргументировал для Конгресса США необходимость закона о ленд-лизе. Хотя теперь в американских школьных учебниках, в прессе и даже в Конгрессе утверждают, что США освободили Россию от гитлеризма.

В 1943 году Сталин поручил Микояну создание Резервного (Степного) фронта, во многом решившего судьбу сражения на Орловско-Курской дуге.

В общей сложности Микоян был членом более 20 комиссий, создаваемых Государственным Комитетом Оборона для срочного решения самых различных вопросов, вызванных войной.

Когда наша авиация переходила с деревянных, обклеенных тканью, истребителей И-16 на новейшие истребители Як-3, МиГ-1 и МиГ-3, штурмовики ИЛ-2, Сталин поручил ему срочное создание алюминиевой промышленности на Урале. Отец ответил: «Для меня это дело незнакомое. Боюсь не справиться». «Справишься. Ты со всем справишься», — ответил Сталин, изучивший сильные и слабые стороны своего давнишнего младшего соратника. И тот действительно справился. Авиационная промышленность на Волге и за Уралом получила алюминий и дюраль.

Отец поддержал инициативу Григория Арутюняна, тогдашнего первого секретаря компартии Армении о том, чтобы направить войска Закавказского военного округа при поддержке частей основной Красной Армии в захваченные Турцией земли Западной Армении, чтобы вернуть хотя бы часть этих земель. Военная разведка тогда сообщила, что турецкие войска отошли вглубь своей территории на 200 км., не сомневаясь, что такая акция будет предпринята и последние уродливые пережитки Брест-Литовского мирного договора 1918 года будут ликвидированы. Сталин же проявил себя как мелкий националист закавказского масштаба — он не хотел такого усиления Армении: в Закавказье она бы стала самой крупной и значимой республикой, оттеснив Грузию на второй план. Но формально он сказал: «Акция против Турции отвлечет силы с германского направления, ослабит наши силы там и замедлит наступательные операции». Буквально так передал мне отец в тот период реакцию Сталина на разумное и напрашивающееся предложение, которое, между прочим, было поддержано и некоторыми военными.

После войны отец занимался хлебозаготовками, возрождением предприятий пищевой промышленности, развитием новых форм торговли, заимствованных в США, советским имуществом за границей.

Тщетно уговаривал он Сталина согласиться на принятие СССР и странами Восточной Европы «плана Маршалла»: американской программы помощи для восстановления промышленности и всего хозяйства, пострадавших от войны. Об этом рассказывал мне он сам, а также — спустя десятилетия — Исполнительный секретарь Экономической комиссии ООН для Европы, известный шведский экономист Гуннар Мюрдаль. По этому поводу венгерский министр Ниярди (эмигрировавший на Запад после перехода власти в его стране к коммунистам) вспоминал, что в 1948 году Микоян сказал ему: «Я могу прямо сказать, что надеюсь, план Маршалла может со временем не только облегчить напряженность между Востоком и Западом в сфере экономики, но может также иметь позитивный эффект в улучшении политической атмосферы. (Выделено мной – С. М.). Во время войны немцы разрушили нашу страну... поверьте мне, г-н Ниярди. Мы могли бы с успехом использовать несколько миллиардов американских долларов для той огромной работы по восстановлению, которая нам предстоит». Ниярди передает свое мнение, что «это могло быть сказано только в уверенности, что план Маршалла будет принят Советским Союзом».

К великому сожалению, это было не так. Сталин мыслил в унисон с зачинателями холодной войны на Западе: он не пытался ее предотвратить, а считался с ней как с неизбежной данностью.

По-видимому, прав был выдающийся американский ученый-советолог Адам Улам, считавший, что Микоян относился к той части советской политической верхушки, которая была недовольна тем, что «Сталин упрямо отказывался учитывать изменяющиеся обстоятельства, а также связывал руки Москве в новых дипломатических инициативах».

Готовясь к переговорам с прибывающим в Москву молодым министром внешней торговли Великобритании Гарольдом Вильсоном, будущим премьер-министром, о погашении британского военного займа, отец размышлял, каким образом можно уменьшить процент на взятый в начале войны кредит у Великобритании. Тогда, в 1941 году ему удалось лишь снизить ставку с 3,5% до 3%. С помощью советников он нашел основательную зацепку, чтобы снизить советские платежи. Оказалось, что есть прецедент: Великобритания, принимая во внимание вклад Франции в союзнические военные операции, снизила процентную ставку для Франции в шесть раз: с 3% до 0,5 процентов. Применительно к СССР такое же снижение давало бы нам экономию в десятки миллионов фунтов стерлингов. Когда Микоян рассказал Сталину, что собирается поставить вопрос о таком же снижении процента, как для Франции, тот сказал: «Мы сами подписали соглашение о 3 %. Как можно от этого отказаться? Ничего у тебя из этого не выйдет. Даже не следует ставить этого вопроса». Отец настоял, что он всё-таки поговорит.

При встрече с Вильсоном он выразил готовность СССР выплатить долг из 0,5 %, включив в сумму долга ту часть, которая подлежала выплате наличными. Вильсон был настолько ошарашен, что попросил повторить сказанное. Естественно, переговоры вступили в трудную стадию. Только на последней встрече накануне вылета Вильсона в Лондон для консультаций Микоян задал вопрос: как Великобритания оценивает вклад Советского Союза во Вторую мировую войну?

Шёл апрель 1947 года, на Западе ещё не успели «забыть» эту роль, и Вильсон высказался в том же духе что и Черчилль, когда тот передавал ручной работы меч, скопированный со старинных образцов, в музей обороны Сталинграда. Тогда отец спросил: «Считает ли правительство Великобритании, что роль Франции в войне была более значительной, чем СССР?». Вильсон категорически и с горячностью отрицал эту мысль, упомянув, что лишь в завершающие месяцы войны войска де Голля участвовали в союзнических операциях. Символической целью де Голля было освободить Париж силами французов. Эйзенхауэр и Монтгомери (командующие войсками США и Великобритании соответственно) предоставили французским генералу Леклерку эту возможность. Вот тут-то Микоян и спросил, не является ли это основанием для того, чтобы к Франции и СССР было проявлено, по крайней мере, одинаковое отношение в вопросе об оплате процентов по займу? Вильсон был в полной растерянности и улетел в Лондон. Одновременно туда же Стаффорду Криппсу, назначенному министром торговли (Вильсон, как министр внешней торговли, подчинялся ему), Микоян направил письмо, где официально на стол выкладывался этот главный козырь: указывалось, что иное отношение к СССР, чем к Франции, было бы недопустимой дискриминацией. В целом переговоры продолжались почти полгода. Уайт-Холл не сумел найти аргументов в опровержение доводов советского министра. Выигрыш советской стороны составил 58,3 млн фунтов стерлингов.

И все же больше всего в тот период занимался Микоян внутренним хозяйством страны. Ему были подконтрольны заготовки зерна и продовольствия. В 1944 году он получил выговор от Сталина за то, что предоставил Белоруссии займы до следующего урожая зерно на семена из госрезерва, ибо опустошенной республике недоставало зерна для весеннего сева. К тому же белорусы обещали вернуть зерна на 30% больше. Кто-то доложил Сталину. Тот был в гневе, объявил Микояну на заседании Политбюро, что он «разбазаривает государственное добро». Никакие аргументы — ни о бедах разоренной войной земли, ни о голоде, грозящем сохраниться и на следующий год, если не принять срочные меры, ни о том, что зерно будет возвращено с 30%-ой прибавкой — не помогли. Слава Богу, отбирать зерно было уже поздно, оно поступило в колхозы и совхозы и засевалось.

О сходном случае, но в меньших масштабах, рассказывал бывший председатель Моссовета—по-теперешнему, мэр Москвы - Василий Пронин. В октябре 1941 года немецкие войска уже подходили к Химкам, в Москве нарастал хаос в снабжении, так как спешно эвакуировались предприятия и управляющие организации. К тому же в городе осталось только одно мукомольное предприятие, которое еле справлялось с работой. Бомбили Москву каждый вечер, и в случае попадания в него бомбы, население осталось бы вообще без хлеба. Микоян позвонил Пронину и приказал, чтобы каждому работающему на предприятии или в учреждении было выдано по два пуда муки. Пронин с одобрением воспринял указание. «Но через некоторое время в кабинете у Пронина зазвучал телефон-вертушка из Кремля. Василий Прохорович снял трубку и услышал знакомый голос Лаврентия Берия: «Ты что, раздаешь муку населению?». Пронин сразу понял, что всеильный шеф Лубянки звонит от Сталина.

— Да, выдаю, — спокойно ответил председатель Моссовета.— А по чьему распоряжению?— По распоряжению правительства.— Как правительства?! — опешил Берия. — Кто тебе дал распоряжение?— Микоян.

— А-а... Ну ладно, — разочарованно протянул грозный руководитель НКВД и положил трубку.

Через несколько часов, ближе к вечеру, Пронину позвонил секретарь Сталина Поскребышев. «Товарищ Пронин, приезжайте на заседание ГКО (Государственный комитет обороны, в руках которого сосредоточены были во время войны все нити управления огромным государством). «А по какому вопросу?» «О муке», — лаконично ответил Поскребышев и назвал время прибытия.

Буквально через пять минут Пронину позвонил секретарь городского комитета партии Александр Щербаков: «Василий Прохорович, ты уверен, что тебе распоряжение насчет муки дал сам Анастас Микоян?» Пронин с обидой в голосе ответил ему: «Александр Сергеевич! А как же! Я не глухой. Конечно, он сам звонил». «Ну, тогда поедем в Кремль», — мрачно произнес Щербаков.

«Приехали мы, — вспоминал Пронин, — в квартиру Сталина. А там по всему видно, что никакого заседания ГКО и не предвидится. Сидят на стульях несколько человек, в том числе Берия и Микоян».

Сталин, прохаживаясь по кабинету, как бы рассуждая про себя, говорит: «Вот товарищ Пронин организовал выдачу населению по два пуда муки. Он ссылается на то, что сделал это по разрешению правительства». Повернувшись в сторону Пронина, Сталин спросил председателя Моссовета, верно это или нет. «Да, товарищ Сталин!» — твердо ответил Василий Прохорович. «А кто вам приказал это сделать?» — хмуро спросил Верховный главнокомандующий. «Товарищ Микоян!» — прозвучал ответ. Тогда Сталин повернулся в сторону сидевшего за столом Микояна: «Ты подтверждаешь это, Анастас?» «Да я дал такое распоряжение Моссовету». И Микоян попытался мотивировать свое решение возникшими мукомольными трудностями. Но не тут то было. Находившиеся в кабинете члены Политбюро накинулись на Анастаса Ивановича с упреками и обвинениями в незрелом решении. Впрочем, все для заместителя председателя СНК СССР обошлось без каких-либо серьезных последствий.

Василий Пронин, вспоминая про этот эпизод, заметил, что если бы Микоян дрогнул и отказался от своего распоряжения о выдаче муки, председателя Моссовета в условиях чрезвычайного времени, несомненно не пощадили бы и расстреляли за «провокационные действия по распространению панических настроений» в осажденной столице». Но, конечно, Микоян не дрогнул и не отказался от своих слов.

«Частично благодаря своей высокой профессиональной компетенции, частично благодаря политической проницательности, и в еще большей мере проницательностью в своих личных суждениях, а также по причинам, которые никогда не станут известными, ибо они находятся где то в сумеречной зоне сталинского мышления, Микоян прошел через репрессии незатронутым, заслужившим место в первом ряду «достаточно компетентных кадров администраторов, способных работать под угрозой ликвидации» - писал Роберт Конкест, в книге «Большой террор», — его цитирует американский биограф Микояна Хэйди Аспатуриян.

Надежды Микояна, что после войны поведение Сталина изменится к лучшему, не оправдались.

О последних месяцах сталинских угроз и намерений отец сам рассказывает так: «Однажды у Сталина на даче Берия и Маленков «начали активно подхалимски хвалить книгу (речь идет о вышедшей тогда книге Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» - С. М.), понимая, что Сталин этого ждёт. ...Молотов что-то мычал вроде бы в поддержку, но в таких выражениях и так неопределённо, что было ясно: он не убеждён в правильности мыслей Сталина. Я молчал. Вскоре после этого в коридоре Кремля мы шли со Сталиным и он с такой злой усмешкой сказал: «Ты здорово промолчал, не проявил интереса к книге. Ты, конечно, цепляешься за свой товарооборот, за торговлю». Я ответил Сталину: «Ты сам учил нас, что нельзя торопиться и перепрыгивать из этапа в этап и что товарооборот и торговля долго ещё будут средством обмена в социалистическом обществе. Я действительно сомневаюсь, что теперь настало время перехода к продуктообмену». Он сказал: «Ах, так! Ты отстал! Именно сейчас настало время!» Он знал, что в этих вопросах я разбираюсь больше, чем кто-либо другой, и ему было неприятно, что я его не поддержал».

На пленуме ЦК 15 октября 1952 года, сразу после XIX съезда, Микоян, вместе с Молотовым, был подвергнут жесткой критике.

Как это произошло, можно прочитать не только в книге Микояна «Так было». Быть может, картина становится более жизненной, если она описана взглядом со стороны. Известный советский писатель и журналист военных лет Константин Симонов, тогда только что удостоенный стать кандидатом в члены ЦК, вспоминал: «При всем гнве Сталина, иногда отдававшим даже невоздержанностью, в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной. (по сравнению с частью речи о Молотове – С. М.)... Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми. Такими же белыми и мертвыми эти лица остались тогда, когда Сталин кончил, вернулся, сел за стол, а они — сначала Молотов, потом Микоян — спустились один за другим на трибуну, где только что стоял Сталин, и там — Молотов дольше, Микоян короче — пытались объяснить Сталину свои действия и поступки, оправдаться, сказать ему, что это не так, что они никогда не были ни трусами, ни капитулянтами и не убоятся новых столкновений с лагерем капитализма и не капитулируют перед ним.

После той жестокости, с которой говорил о них обоих Сталин, после той ярости, которая звучала во многих частях его речи, оба выступавшие казались произносившими последнее слово подсудимыми, которые, хотя и отрицают все взваленные на них вины, но вряд ли могут надеяться на перемену в своей, уже решенной Сталиным судьбе.

Вот как записал часть речи Сталина на этом пленуме в октябре 1952 года видный член ЦК Л. Н. Ефремов: «Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно?

Мужик – наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

А. И. Микоян на трибуне оправдывается, ссылаясь на некоторые экономические расчеты. Сталин (прерывая Микояна): - Вот Микоян – новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе».

Столь длинные цитаты помогают уяснить, как непросто было пробыть в Политбюро «от Ильича до Ильича, без инфаркта и паралича». Трудно судить, какие события и годы были самыми опасными для его жизни — гражданская война, туберкулёз, сталинские репрессии 1937-38 годов, или декабрь 1952-март 1953 годов.

После смерти Сталина 5 марта 1953 года Микоян принимает самое активное участие в решении назревших экономических реформах в интересах народа, особенно крестьянства, а также во внешнеполитических мероприятиях нового «коллективного руководства». Он совмещает должность министра внешней торговли с должностью заместителя председателя Совета министров СССР и в этом качестве курирует еще два десятка ведомств, контролируемые им уже четверть века. У него начинают складываться особые отношения с Хрущевым, хотя и не сразу.

После «чистки» в Президиуме ЦК 1957 года (вывод Молотова, Кагановича, Маленкова) там оказалась «украинская мафия», как называли в Москве группу людей, работавших с Хрущёвым на Украине и считавшихся лично ему преданными. Они знали, что Хрущёв любил подхалимство, ему нравилось слушать одобрительные мнения о его предложениях, хвалебные речи в свою честь.

Английская газета писала: «Улыбающийся Мик», как называли его американцы, завоевал мировую известность на многие годы как первый и наилучший бизнесмен социализма... Не без основания иностранные обозреватели называли его советским «ликвидатором узких мест». Какая бы деликатная внешняя проблема ни возникала,

Микоян тут как тут, и занимается ею со знанием дела и успехом... Ни один советский руководитель не знал мир лучше». Аверелл Гарриман говорил еще более определенно: «Это — единственный человек в Кремле, с кем можно разговаривать».

Он был с Хрущёвым и Молотовым в Варшаве, где в компартии произошли перемены: Первым секретарём избрали Владислава Гомулку, — Веслава (такова была его подпольная кличка во время германской оккупации, так продолжали его называть товарищи по партии), который тут же сделал несколько заявлений в пользу подлинной независимости Польши. Хрущёв это воспринял как угрозу социалистическому лагерю. С первого момента пребывания делегации на польской земле происходили бурные словесные стычки. Два раза советские танки во время переговоров выходили со своей базы к западу от Варшавы и двигались к городу. Гомулка предупредил, что если они не вернутся на свои базы, то будет роздано оружие рабочим города. Микоян оба раза надавил на Хрущёва, чтобы он отменил приказы, данные Коневым, конечно, с его же согласия. Юзеф Циранкевич (тогда — Председатель Совета Министров Польши) уже после смерти отца рассказывал мне в Варшаве в 1979 году о том, что они понимали, что Микоян — единственный член делегации, дружелюбно относившийся к ним.

Всё кончилось вроде бы хорошо, Хрущев и Микоян летели в одном самолете и обсуждали, как успешно разрешился конфликт. Но сразу же по прилёте в Москву Хрущёв опять передумал, скорее всего, по подсказке Молотова и Кагановича, пришедших к нему домой — их дома тоже были рядом, на Воробьевском шоссе — и решил сокрушить Варшаву. Слава Богу, он вызвал отца. Я сам выслушал Председателя КГБ Серова, пришедшего в качестве посыльного и смиренно оставшегося ожидать ответа в прихожей внизу. Я поднялся на второй этаж дома на Воробьевых горах, рассказал маме, в чем дело. Она была очень недовольна «Какой беспокойный этот Хрущев. Неужели не наговорились только что в самолете! Папа ведь принимает ванну». Действительно, по настоянию мамы он принимал ванну, чтобы снять стресс и согреться. Все же, я, конечно, передал ему. Раздосадованный, не понимая, в чем срочность вызова, он поручил мне ответить Серову, что через десять-пятнадцать минут придет. Мама беспокоилась, что он может простудиться. Но его ждали, чтобы сообщить о состоявшемся решении большинства членов Президиума, собравшихся в саду возле дома Хрущева на Воробьевых горах: ввести войска в Варшаву и передать власть послушным членам ЦК (правда, Хрущев так и не вспомнил ни одного, достаточно послушного). Даже в такой обстановке, один против всех, Микоян сумел сначала отложить решение, а потом похоронить его. Иначе восстание в Венгрии, о котором будет сказано ниже, и в Польше совпали бы по времени: о последствиях для СССР и количестве жизней, положенных на алтарь шовинистического большинства в Президиуме, можно только предполагать.

Осенью 1956 года начинается народное восстание в Венгрии, которое приводит к власти Имре Надя. Микоян ведёт неравную борьбу со своими коллегами в Кремле, призывая вывести из города советские войска, уже направленные туда по просьбе Ю. В. Андропова, посла СССР в Венгрии. 18 Благодаря своей твердой воле и силе убеждения он добивается этого, вопреки тому, что в Президиуме в этом вопросе у него нет ни одного союзника. Через несколько дней, пока он летит в Будапешт, где имеет конструктивные встречи с Имре Надем и со всеми лидерами революции. Возвращался обратно он в уверенности, что все разногласия урегулированы путем переговоров. Между тем, пока его не было, Кремль принял решение повторно ввести войска и сокрушить восстание. 19 Вернувшись, отец мог говорить уже только с одним Хрущёвым, даже пригрозил ему своей отставкой, но тот сказал, что решение уже принято, выполняется — войска ведут бои в городе — и ничто не может и не будет изменено.

Несмотря на свои споры с Микояном, несмотря на определенную ревность к его опыту и мудрости, Хрущёв ценил его способность вести переговоры. Эта способность обязательно включала умение уважать партнёров по переговорам, чётко видеть цели обеих сторон, по возможности добиваться реализации своих целей, быть твёрдым, если

это необходимо, но сохранять выдержку и, в случае успеха, внушить другой стороне ощущение, что она не потерпела полного поражения.

Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр так отвечал корреспонденту армянской газеты, выходящей в Бразилии: ...«Надо признать, что среди знакомых мне советских руководителей до сегодняшнего дня (отец побывал в ФРГ в 1957 г. – С. М.) наилучшее впечатление произвел на меня первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян.

Он великий дипломат, одновременно наилучший экономист, с которым человек может сидеть за столом и обмениваться мнениями. Очень остроумен и часто говорит с шутками. Если на сегодня мы имеем экономические связи с Советским Союзом, то этим мы обязаны усилиям и умной дипломатии Микояна. Однако, в беседах с ним человек должен быть очень внимательным, так как он одновременно великий переговорщик». Наличие таких качеств ощущалось и в Кремле. Поэтому Микояну были поручены различные миссии.

Одна из них - в США в январе 1959 года — стала необходимой из-за того, что Хрущев, не обсудив предварительно вопрос в Президиуме ЦК, в речи в Ленинграде в ноябре 1958 года поставил вопрос об отмене Потсдамских соглашений 1945 года, подписанных от имени США, СССР и Великобритании Трумэн, Сталиным и Эттли, и о намерении СССР ликвидировать согласованный тогда, в 1945 году, международный статус Западного Берлина. Хрущев фактически предъявил Западу ультиматум: в шестимесячный срок подготовиться к уходу из Западного Берлина. Американские танки выдвинулись к границе сектора. Им навстречу вышли советские танки.

На заседании Президиума после этого Микоян резко возражал против отказа от Потсдамских соглашений. Хрущев понял и сам, по реакции президента Эйзенхауэра и всего Запада, что блефом дело не обойдется — стоит ему перейти роковую черту, и может начаться война.

Тогда он предложил Микояну поехать в США, провести там встречи с политическими кругами и бизнесменами, чтобы дипломатично дезавуировать шестимесячный ультиматум, тем самым восстановить обстановку относительного спокойствия, существовавшую до его выступления.

Солсбери следующим образом вспоминал об этой поездке, как эпизоде холодной войны: «Потом, зимой 1959 года Микоян неожиданно обнаружил, что хочет провести свои «каникулы» в США, посетив своего старого друга Михаила А. Меншикова, советского посла в США. То, во что это вылилось, вряд ли было похоже на «каникулы», но после того, как завершилась поездка Микояна по США, продолжавшаяся месяц, международная атмосфера радикально изменилась». В завершение поездки Микоян имел встречи с президентом Эйзенхауэром и государственным секретарем Д. Ф. Даллесом, в ходе которых сгладил впечатление от необдуманной агрессивной выходки кремлевского лидера. Он, конечно, не дезавуировал нашего лидера, просто объяснил, что тот не имел в виду никакого ультиматума, а шесть месяцев, упомянутые им, надо понимать условно — Хрущев хотел лишь подчеркнуть, что необходимо какое-то движение. Тем более никто в Кремле и в мыслях не держал применение военной силы в Берлине.

«К сожалению, признал Микоян, благоприятный эффект ощущался недолго, — продолжает Солсбери, — Надежды на коренное улучшение отношений с Соединенными Штатами, на разрядку между двумя великими державами, ускользнули. Хрущев совершил свою знаменитую поездку в Соединенные Штаты, но ответный визит Эйзенхауэра, намеченный на 1960 год для утверждения «духа Кэмп Дэвида», был отменен в ходе дипломатического скандала, последовавшего вслед за тем, как был сбит самолет У-2, пилотируемый Гари Пауэрсом 1 мая 1960 года. Американско-советские отношения прошли через шатания то в одну, то в другую сторону».

Хрущев упустил благоприятный момент для разрядки и сокращения гонки вооружений. Он упустил такой момент еще раз, когда встретился с новым президентом Джоном Кеннеди в Вене в 1961 году и недооценил способность и готовность Кеннеди к свежим подходам в отношении старых проблем, к пересмотру даллесовской стратегии конфронтации (в которой даже сам Даллес усомнился к концу своей жизни).

Наиболее значительная миссия Микояна состоялась в ноябре 1962 года для окончательного разрешения Карибского кризиса, поставившего весь мир на грань третьей мировой войны, на этот раз ядерной, угрожавшей существованию человеческой цивилизации.

Кризис возник из-за переброски на Кубу 42 советских ракет среднего радиуса действия. Хрущеву пришел в голову именно такой способ защитить Кубу от предполагавшегося вторжения вооруженных сил США. На остров было переброшено почти 42 тыс. советских солдат и большое количество разнообразного вооружения, в том числе и тактические ракеты с ядерными зарядами. Уже одного этого – без ракет среднего радиуса действия, способных поразить ядерным грибом столицу США город Вашингтон, Куба была бы гарантирована от опасности вторжения.

Но ракеты, угрожавшие территории США, завезенные тайно, вопреки заверениям Кремля, что ракеты «земля-земля» никогда не будут дислоцированы на Кубе, не оставляли президенту Кеннеди иного выхода, кроме решительных действий. Он предпочел не немедленный удар с воздуха по ракетам и всей Кубе, как предлагал Пентагон, а военно-морскую блокаду острова – до тех пор, пока Москва не согласится с выводом ракет. Но горячие головы в Вашингтоне требовали не допустить затяжки переговоров и требовали через 2-3 дня ударить по советским войскам на Кубе, после чего совершить вторжение на остров. Кеннеди оттягивал эти действия, но в силу логики событий они становились неизбежными. Вопрос заключался лишь в определении, сколько дней дать Кремлю на вывод ракет в обмен на обещание Кеннеди не вторгаться на Кубу.

Хрущев понял опаснейший характер своей авантюрной идеи и дал согласие убрать ракеты и прочее вооружение. Притом, давая согласие на наземный контроль другого государства, не считав нужным предварительно запросить согласия его правительства. Так же, как и заранее сообщить ему о предполагаемых уступках. О письме Хрущева президенту Кеннеди с согласием на вывод ракет в Гаване узнали, слушая текст письма Хрущева, передаваемого открытым текстом. Фидель

Кастро и все кубинское руководство были в негодовании за пренебрежение мнением Гаваны. Кубу, как сказал Кастро Микояну, превратили в «грязную тряпку, ноль слева». Руководство Кубы отказалось от наземного контроля хотя бы одного метра кубинской территории или кубинских территориальных вод в любой форме, если не будет взаимного контроля части территории США. Таким образом, у Вашингтона появилась новая возможность удара по Кубе и советским войскам.

Для предотвращения подобного исхода в США и на Кубу вылетел Микоян. Он провел тогда два дня в Нью-Йорке в переговорах со Стивенсоном – главой миссии США в ООН и с личным представителем Кеннеди Макклоем. Затем он вылетел в Гавану, где в течение почти месяца вел переговоры с Фиделем Кастро и переписывался с Хрущевым, вырабатывая соглашения, которые не оставили бы Кубу безоружной и помешали бы США расправиться с нею из-за ее отказа от наземного контроля за выводом ракет (несмотря на смерть супруги Ашхен Лазаревны Анастас Иванович не позволил себе прервать переговоры чрезвычайной важности и не вылетел на похороны). В завершение поездки он вновь побывал в Нью-Йорке и Вашингтоне, встретился с президентом Джоном Кеннеди, закрепил его обещание не нападать на Кубу и не позволять сделать это другим странам американского континента.

В 1960-х годах на долю А. И. Микояна выпали также важные миссии в Пакистан, Индию, Бирму, Японию, Индонезию, Ирак, в ряд стран Африки. Каждая из этих миссий способствовала укреплению международного положения Советского Союза.

Когда Микояну исполнилось 70 лет, он вышел на пенсию, оставаясь еще несколько лет членом Президиума Верховного Совета. Скончался он в октябре 1978 года, не дожив месяца до 83 лет.

Материал подготовлен на основе информации открытых источников